

Владимир Котельников

Котельников Владимир Николаевич родился 12.03.1953 в Перми, в семье служащих. Окончил физический факультет Пермского государственного университета по специальности «теоретическая физика» (1976). Работал учителем физики в школе-интернате № 2 (1976–77), младшим научным сотрудником в Естественно-научном институте ПГУ (1977–82), во вневедомственной охране (1982–97), сторожем Центра научно-технической информации в Перми (с 1999). Печатается как поэт с 1979 г. Член Союза писателей с 1999 г. Публиковался в журналах «Алконостъ», «Арион», «Дружба народов», «Литературная Пермь» и др. Автор двух книг: «Окна» (Пермь: Фонд «Юртин», 1996, 300 экз.); «На край земного сна» (Пермь: Фонд «Юртин», 2002, 500 экз.). Участник АСУП-2. Живет в Перми.

Филологическая маркировка стихов В.К.

Традиции, направления, течения: поэтическая классика XIX в., символизм, акмеизм, «лианозовская школа», минимализм, «новая искренность» и сентиментализм.

Основные имена влияния, переклички: А. Пушкин, М. Лермонтов, А. Фет, И. Анненский, А. Блок, С. Есенин, В. Ходасевич, А. Тарковский, А. Решетов, С. Гандлевский.

Основные формальные приемы, используемые автором: классическая просодия, метафора, олицетворение, зарисовка, детализация, мгновенные снимки реальности, приглушенные звуки и тона, хроматическое преобладание легкой сепии.

Сквозные сюжеты, темы, мотивы, образы: окно, сон, городская окраина (двор, барак, завод), провинциальный быт, уютная детская память (приметы повседневности 1950–1960-х), Пермь, странничество, море (волна, ветер, корабль, паруса, кораблекрушение), преапокалиптические мотивы, поэт и поэзия, процесс чтения и письма (бумага, лист, страница), пограничность, просве-

чивание текстуальности в образах мира, просвещение образов подлинной, «большой», преображенной реальности (рай, абсолют, культурный миф) в малых формах бедной повседневности.

Творческая стратегия: ностальгическое прощание с миром посредством нежного запечатления его в мгновенных снимках повседневности – в терпеливом ожидании грядущего преображения через гибель.

Коэффициент присутствия: 0,33

АВТОБИОГРАФИЯ

(опубликована на литературном портале «Пермский контекст»)

Я родился в 1953 году в промышленном центре Западного Урала, городе Молотове, которому позже вернули прежнее название Пермь. Так оказалось, что у места, где я появился на свет, два имени и два лица: одно женское – Пермь, а второе мужское – Молотов. Отец, Николай Васильевич Котельников, из старого уральского казацкого рода, по образованию физик, преподавал в Перми, Москве, Тамбове. Мать окончила Пермское хореографическое училище, затем строительный техникум, а после – педагогический институт по специальности «физическое воспитание», и до пенсии работала преподавателем физкультуры... Жили, как все, трудно. Поначалу семья размещалась в гардеробе техникума, потом в бараке. Когда бабушка (Гусева Валентина Васильевна) вышла на пенсию, нам предоставили коммуналку. Бабушка была строга, она хотела видеть дочь и внука инженерами. Моя мать действительно после хореографического училища окончила строительный техникум, пробыв в инженерах до поступления на «физвоспитание» пединститута. Мне же не запрещали рисовать, но мечта о художественной студии... увы, без поощрения медленно разложилась, мучая несбыточностью... Жизнь рабочей окраины вращалась вокруг огромного завода. На утреннюю смену трамваи шли переполненными – люди висели на поручнях, ехали на «колбасе», даже на крыше. Рев испытательных стендов прерывал уроки в школе, где я учился. На экскурсии нас водили по гремящим цехам, а в октябрюта и пионеры принимали в шикарном заводском Дворце культуры... 12-ти лет я по настоянию матери (Эммы Александровны Котельниковой) переехал к отчиму, Борису Агееву – на угол Крисанова и Кирова, в маленькую квартир-ку, сыгравшую роковую роль не только в моей судьбе, но в судьбах сотен разных людей – из-за дела пермских диссидентов Веденева и Воробье-

В.К. с В. Раковым (крайний справа), 1996 г.

ва. Надо заметить, что отец Бориса Агеева, Сергей Алексеевич, тогда подполковник в отставке, в Отечественную служил политработником Амурской флотилии. Его дом всем – от распорядка дня, до кухонной посуды – напоминал военный корабль. Ценились дисциплина и ответственность. На праздник собирались фронтовики, они не говорили – где воевали, они говорили – что освобождали... А вот у сына Сергея Алексеевича жилье представляло диаметральный вариант. Никакого порядка, а лишь – метания по верхушкам искусства и наук. Баян, авиамоделизм, философия, самодельные трансформаторы, крейсерские яхты. Среди увлечений Бориса оказались и стихи, но кто бы видел его книжную полку! Тарковский и Сталин, Лу Ю и Тулуз-Лотрек, Пушкин и Конан Дойль. Из этого хаоса я вынырнул, поступив в математический класс школы № 9 и возвратясь к бабушке. Основательно занявшись естественными предметами, я через пару лет продолжил образование в Пермском университете, который закончил с дипломом физика-теоретика.

Однако научная карьера не складывалась, зато сказались тесные отношения со студентами филфака – будущим журналистом Борисом Филиным, будущим доктором филологии Владимиром Абашевым, будущим прозаиком Виталием Богомоловым. Они были лидерами целого круга гуманитариев. И под влиянием этого круга дело обернулось так, что физика стала для меня чем-то вроде хобби, а ее место заняла практическая литература. По наивности я сразу обратился в Москву. Ответила К. Васильева, сначала отпиской, потом обстоятельным письмом. Она-то и направила меня в местное отделение Союза писателей, где я занимался сначала под присмотром Анатолия Григорьевича Гребнева, потом – Федора Сергеевича Вострикова, ну а потом по рекомендации обоих плюс Виталия Богомолова очутился в числе членов Союза писателей России. Собственно же литературную жизнь невозможно поместить в рамки биографии, наверное, нужен роман – самого что ни на есть драматического содержания.